

графъ Толстой даетъ характеристическій образчикъ того, что называется *retio principii*.

Если я вырву у человѣка принадлежащую ему вещь, или вытолкаю его изъ его квартиры, я несомнѣнно совершаю насиліе; но неужели будетъ такимъ же насиліемъ съ моей стороны, если я не дамъ ему вырвать моего бумажника, или помѣшаю ему ворваться въ мою квартиру?

Такого рода пониманіе термина *насиліе* было бы невѣрно не только съ точки зрѣнія юридической, но и съ точки зрѣнія общепринятаго употребленія словъ.

Насиліе всегда предполагаетъ нарушеніе правъ того, надъ кѣмъ оно совершается, и потому, разумѣется, оно само по себѣ есть уже зло; но никакъ нельзя сказать того же объ употребленіи силы, когда имъ предупреждается нарушеніе права, или восстанавливается право уже нарушенное. Употребленіе силы само по себѣ не есть ни благо, ни зло и становится тѣмъ или другимъ лишь въ зависимости отъ цѣли, къ которой оно направлено.

Итакъ, прежде чѣмъ упрекать читателей или критику въ умышенномъ непониманіи его мысли, графу Толстому слѣдовало бы точнѣе опредѣлить что онъ разумѣетъ подъ словомъ насиліе, и отождествляетъ ли онъ съ нимъ какое бы то ни было употребленіе силы, хотя бы для того, чтобы помѣшать преступленію или насилію.